

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 19.

1863.

Октября 1.

ТАЙНА ТВОРЕНІЯ.

УЧЕНІЕ О МІРѢ. *

Самый пагубный предразсудокъ для дѣйствительнаго умственнаго прогресса есть то ошибочное убѣжденіе, будто

* Предлагаемая статья есть не что иное, такъ большая проповѣдь, или такъ называемая *конференція* лучшаго современнаго проповѣдника во Франціи О. Феликса. Въ прошедшей великій постъ въ Парижской церкви Богоматери (Notre-Dame) имъ произнесены были пять такихъ проповѣдей: 1., тайна творенія, какъ наука о мірѣ, 2., тайна Пресвятой Троицы, какъ наука о Богѣ, 3., тайна паденія—ученіе о человѣкѣ, 4., тайна воплощенія, проливающая свѣтъ на три науки — космологію, теологію и антропологию и 5., тайна предназначенія, по ученію Вѣры и науки. Съ нѣкоторыми изъ этихъ проповѣдей мы, по возможности, познакомимъ нашихъ читателей. Всѣ онѣ вытекаютъ у проповѣдника изъ одной главной мысли: современный свѣтъ, обильный сокровищами промышленности и блестящими результатами своихъ открытій, пришелъ къ убѣжденію, что характеристическій признакъ нашего времени есть прогрессъ во всѣхъ сферахъ жизни. О. Феликсъ принимаетъ эту мысль, но развивая ее далѣе, доказываетъ, что видъ христіанства нѣтъ истиннаго прогресса ни для отдѣльнаго лица, ни для народовъ, ни для человѣчества. Поэтому онъ поставилъ

таинственное учение христіанское можетъ быть въ противорѣчїи съ современною наукою. Этотъ предрасудокъ обращаетъ противу-христіанское стремленіе въ страшилище, чтобы удержать то движеніе, которое теперь приводитъ ко Христу столько великихъ сердецъ и столько высокихъ умовъ. Необходимо, по этому, прежде всего показать, что страшилище это—пустой обманъ, что эти два предмета—наука и тайна, (христіанская) во все не исключаютъ другъ друга. Наука, по самому существу дѣла, связана съ таинственностію вообще и таинственность способствуетъ развитію науки, для которой она служитъ началомъ, концемъ и вмѣстѣ двигателемъ.

По этому, дѣйствительно поразителенъ въ дѣяніяхъ науки тотъ фактъ, до какой степени великіе христіане, наиболѣе разширившіе предѣлы науки, признавали тайну христіанскую и воздавали ей должное уваженіе, такъ, что незнаешь, что въ нихъ болѣе достойно удивленія, возвышенности ли ихъ генія или глубина смиренія. Исторію эту можно заключить въ слѣдующихъ словахъ, приписываемыхъ Ньютону: я—тоже дитя, которое сидя на берегу, забавляется водою, обливая ею набережный песокъ. Вода которою забавляюсь,—то вся мудрость моя, а то чего не знаю, есть цѣлой океанъ, который въ далекомъ пространствѣ теряется въ монхъ глазахъ.

Поэтому мы вовсе не можемъ теперь тайну и непос-

себѣ задачею въ своихъ проповѣдяхъ—указать истинный путь для развитія человѣчества при свѣтѣ христіанства.

Относительно проповѣдническихъ достоинствъ О. Феликса католики отзываются такъ: «Если патеръ Феликсъ уступаетъ Равиньяну въ помазаніи, Лагордэру—въ энергіи, смѣлости и изяществѣ мыслей, Вентурѣ—въ глубинѣ; за то безспорно занимаетъ между ними первое мѣсто относительно законченности формы, ясности изложенія и силы убѣжденія».

тиженіе ея принимать за одно и тоже; такъ какъ уже истина извѣстная, что таинственность и наука могутъ быть совмѣщены. Но такое общее рѣшеніе дѣла не можетъ еще быть удовлетворительнымъ; безъ сомнѣнія, вы хотѣли бы видѣть, какъ можно истину эту приспособить къ великимъ тайнамъ христіанства, и можетъ быть спрашиваете съ извѣстнаго рода безпокойствомъ, осмѣлюсь ли я прикровенность нашихъ тайнъ поставить на свѣтъ науки современной? Да, рѣшаюсь на это, и хотя я не считаю себя ученымъ, не чувствую однакожъ въ этомъ большаго затрудненія. Истина такъ сильна, что проходя даже чрезъ нашу слабость, не страшится генія, хотя бы онъ былъ вооруженъ всевозможными познаніями.

Сколько бы ни раскрывалъ разумъ нашихъ христіанскихъ тайнъ, онъ безъ труда оправдываются предъ испытующимъ умомъ и предъ всякимъ возраженіемъ. Объ этомъ мы скажемъ напередъ; но не остановимся еще на томъ: докажемъ при этомъ, что наши таинства не только не противны наукѣ, но напротивъ, для разума признающаго ихъ, служатъ основаніемъ, полнымъ свѣта. Тайны эти, неизслѣдимыя и непостижимыя сами по себѣ, для науки суть живѣйшія свѣтила, показывающія ей прямую дорогу къ развитію и служащая для ней вѣрнѣйшею порукою въ успѣхѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что это значить, что прикровенныя тайны христіанскаго догмата суть истинный свѣтильникъ для науки? Это отъ того, что тайны представляютъ намъ великіе законы и великія основанія. Наука прежде всего есть познаніе великихъ законовъ и глубокихъ основаній,—великихъ законовъ, правящихъ міромъ, и первыхъ основаній, изъ которыхъ вытекаютъ все слѣдствія. И вотъ, когда наука, послѣ долгихъ изысканій и непрерывныхъ оборотовъ, приходитъ наконецъ

къ формулированію своихъ общихъ законовъ, то она приходитъ къ той самой формулѣ, которую еще прежде дало христіанство въ самой прикровенности своихъ тайнъ. И эта неизбежная встрѣча ученія христіанскаго съ научнымъ выводомъ въ главнѣйшихъ областяхъ познанія человѣческаго, есть фактъ чрезвычайно важный для науки и вмѣстѣ самый пріятный для христіанства. Охотно повторяю здѣсь то, что высказалъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ публицистовъ нашего времени. «Долженъ наступить поворотъ къ христіанскимъ догматамъ, дорогимъ для человѣчества; а видя какъ они легко соглашаются съ результатами наиболее подвинувшихся впередъ научныхъ изысканій, разумные люди будутъ удивляться, что могли когда-то думать, будто христіанскій догматъ не можетъ быть согласенъ съ наукой.»

Что знаменитый публицистъ сказалъ между прочимъ, то я хочу показать въ всемъ свѣтѣ, поставляя наши тайны въ параллель съ знаніемъ человѣческихъ. Что мы скажемъ о главнѣйшихъ тайнахъ легко будетъ приложить и къ прочимъ. Не думаемъ здѣсь представлять полнаго изложенія христіанскаго догмата, желаемъ только опровергнуть научное возраженіе, которое стоитъ на пути уместнаго развитія посредствомъ христіанства.

Начнемъ съ первой тайны нашего исповѣданія въры съ тайны *творенія*, и покажемъ, что эта самая тайна разъясняетъ научное познаніе міра, и что безъ нея нѣтъ ученаго и всеобщаго объясненія этаго познанія.

I. Дѣйствительно, тайна творенія, которую христіанство ставитъ въ началѣ своего *върую*, есть единственный свѣтильникъ, разъясняющій научное познаніе міра.

Когда человѣкъ обратитъ на все, что окружаетъ его, не только свои тѣлесныя глаза но и взоры того ума, который

испытуетъ существо вещей; когда посмотритъ, какъ предъ нимъ подобно нѣкому исполнскому привидѣнiю, движется земля и небо, солнце и звѣзды, моря и рѣки, горы и долины, деревья и цвѣты, люди и предметы, — однимъ словомъ цѣлый мiръ въ своихъ явленiяхъ, въ своихъ ужа-сающихъ обращенiяхъ во кругъ и въ своей красотѣ: то первая потребность, какую почувствуетъ онъ, какъ существо разумное, будетъ потребность-дать себѣ отчетъ въ томъ, что видитъ. Человѣкъ, какъ разумный зритель, хочетъ объяснить себѣ зрѣлище, котораго онъ является свидѣтелемъ, а отчасти и дѣятелемъ, потому что на этомъ великомъ театрѣ и ему выпадаетъ извѣстная роль, извѣстный способъ бытiя; а если, подобно дитяти, онъ не слышалъ изъ устъ матери ни слова о великой загадкѣ, то первымъ вопросомъ, не дающимъ покоя его мысли будетъ: что такое мiръ?—Какова его цѣль? Откуда взялся мiръ и какой его конецъ? Существуетъ ли и живетъ этотъ мiръ самъ по себѣ, безъ всякой внѣшней причины и внѣшняго какого нибудь двигателя, или же надъ нимъ, либо подъ нимъ есть существо отличное отъ него, присутствiе коего объяснитъ намъ бытiе мiра, его движенiе и законы? А допустивши такое существо, какъ понять ихъ совмѣстное бытiе и взаимное соотношенiе? Безъ сомнѣнiя, для науки и знанiя вопросъ этотъ неизбеженъ и необходимъ. Философскiй вопросъ этотъ является прежде всякихъ другихъ. И хотя нѣкоторые ученые говорятъ намъ: мы смотримъ лишь на факты, а не изслѣдуемъ ихъ причинъ; читаемъ мiръ, какъ книгу, не спрашивая объ ея авторѣ, не спрашивая даже, имѣетъ ли она своего автора, всматриваемся въ теченiе существъ, не изслѣдуя, гдѣ его источникъ; не смотря на то, умъ человѣческiй всегда предпосылаетъ первый воп-

ростъ, или лучше, самъ онъ постоянно вращается предъ нимъ и не даетъ покою, пока не получитъ рѣшенія. Въ особенности теперь, среди всеобщаго умственнаго движенія, вопросъ этотъ явно тревожитъ умы. Слышу какъ будто глухой голосъ, выходящій отъ творцевъ разныхъ системъ, отъ всѣхъ школъ, порожденныхъ современнымъ рационализмомъ,—голосъ, вѣщающій между небомъ и землею: откуда взялся этотъ мѣръ? На чемъ онъ основанъ?

На этотъ безпокойный голосъ отвѣчаетъ безъ колебанія одна только христіанская наука. Вамъ извѣстенъ этотъ отвѣтъ: *Върую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли! Въ началъ сотвори Богъ. Мира не было. Восхотѣлъ Богъ, чтобы былъ мѣръ,—и онъ явился. Словомъ, мѣръ видимый и не видимый, мѣръ тѣлесный и мѣръ духовъ сотворены изъ ничего, свободою и всемоущею волею Бога-Творца. Вотъ христіанское рѣшеніе вопроса. Въ началъ сотвори Богъ небо и землю.*

Но вы, быть можетъ, уже спрашиваете меня о значеніи, которое заключаетъ въ себѣ это полное божественной ясности слово: *сотвори*.

Человѣкъ въ извѣстномъ отношеніи также есть творецъ; но его созданія носятъ на себѣ признакъ конечнаго; имѣютъ свои границы, далѣе которыхъ перейти не могутъ; не могутъ никогда достигнуть того, что составляетъ исключительный характеръ созданій Божіихъ: человѣкъ не можетъ создать бытія, существа, жизни. Сотворивъ насъ по образу Своему, т. е. давъ намъ разумъ и волю, Богъ далъ намъ высокое призваніе, и какъ бы отраженіе своего могущества, далъ намъ силу творенія, оставивъ однако-жъ между Своими и нашими твореніями бездну безконечную и пропасть, отдѣляющую насъ отъ Него.

Творите теперь, господа, на всевозможные способы, только замѣчаете ли вы границу вашихъ твореній?

Разумомъ созидаете системы, мнѣнія, философію; что-жь это значить? Приводите въ порядокъ однородныя идеи, находите между ними соотношенія, выставляете, такъ сказать, міръ идей, какимъ овладѣваетъ вашъ умъ. Но это твореніе вашего ума не есть ни существо, ни жизнь, есть только отвлеченіе (*abstractio*), которое никогда не достигаетъ бытія.

Какъ литераторы, какъ артисты вы творите, но въ какомъ смыслѣ? Соединяете выраженія, распредѣляете цвѣта, гармонируете звуки. Самое величественное твореніе ваше нейдетъ далѣе; вы не создали ни выраженій, которыя употребляете, ни цвѣтовъ, которыя отбываете, ни тоновъ, изъ которыхъ производите гармонию, ни даже матерій тѣхъ орудій, помощію которыхъ вы производите все это.

Вы творите, какъ промышленники; и въ этой-то сферѣ, въ настоящее время, въ величайшемъ блескѣ развивается ваша творческая сила. Что жъ такое, однако, производите вы въ этомъ мірѣ промысловъ? Передѣлываете матерію. Цѣпляетъ колесо къ колесу, прибавляетъ механизмъ къ механизму, приспособляете все къ одной цѣли и цѣлое движете посредствомъ одной пружины, и все это исполняете съ искусствомъ, невѣдомымъ нашимъ предкамъ. Но въ сущности что-жь такое вы сотворили? Не матерію ли, которая движется, или паръ, который все движетъ? Паръ? Дѣйствительно, вы гордитесь имъ; вы такъ говорите о немъ, что можно бы подумать, что нѣкогда онъ вышелъ, какъ дуновеніе изъ вашихъ устъ. Но, о сильные чудотворцы, посмотрите на ваши чудеса и благоволите ихъ понять. Въ одинъ день, когда вы вовсе объ этомъ не думали, замѣтили вы, что вода, разогрѣтая огнемъ, производитъ испаренія,

коихъ разширяющаяся сила въ вашихъ глазахъ грозила разрушеніемъ стѣнъ своею заключенія. Силу эту уже ли вы создали? Вовсе нѣтъ, вы только подмѣтили ее, открыли ее измѣрили и рассчитали ея упругость. Но прибавили ли къ нему что нибудь?—Паръ и теперь тотъ же, чѣмъ онъ былъ за семь слышкомъ тысячь лѣтъ, только что нужно было намъ семь тысячь лѣтъ, чтобъ подмѣтить его силу и научиться приспособить ее. Мнѣ кажется, не гордиться тутъ слѣдуетъ намъ, а напротивъ — смириться.

Вы разсмотрѣли также пути, которые громъ пробѣгаетъ на лонѣ природы, — и электричество явилось къ вашимъ услугамъ. Послушное, какъ дитя, оно даетъ себя вести за руку и повинуется вашимъ приказаніямъ. Скажете ему: ступай! — и оно несетъ съ быстротою молніи на конецъ свѣта ваши мысли, вашу волю, вашу душу. Ужели нельзя было бы сказать, что вы творите по вашей волѣ, въ ничто обращаете громы, и что электричество выскочило нѣкогда изъ вашего мозга, какъ нѣкая эфирная дщерь вашего генія? Это лишь риторическая фигура, фигура риторическая, повторяю вамъ. Громы не отъ васъ зависятъ, электричество не изъ васъ вышло. Сила его смѣется надъ вашей силою: попробуйте взять ее въ руки, — ускользнетъ и на мѣстъ убьетъ васъ?

Гдѣ же преимущественно высказывается ваша творческая сила? Быть можетъ, въ мѣрѣ растительномъ? Или — въ мѣрѣ животномъ? Или — мѣрѣ человѣческомъ.

О слушатели, тутъ-то собственно Творецъ — и сохранилъ для себя всю силу, и даже посреди чудесъ вашего генія даетъ вамъ чувствовать вашу совершенную немощь. Какую немощь? спрашиваете. Немощь творенія жизни, организма, мысли. Вы только можете здѣсь портить, но не

созидать. Можете тутъ уничтожать, но не творить. Ваши улучшения растений, животныхъ, племенъ, видовъ, только переносятъ красоту, но не даютъ ея; вы улучшаете природу, пользуясь ея плодотворною силою. Гдѣ же такой мудрецъ, который бы нашелъ тайну сотворенія, не говорю существа мыслящаго, но существа живущаго какою нибудь жизнію, положимъ хоть самую низшею? Кто когда нибудь создалъ птичку поющую? Или крылатаго овода? Кто устроилъ цвѣтокъ? Кто хоть былинку травы...? О, творцы!, Вы хотите отнять, исхитить у Бога скипетръ творенія, однако-жъ я говорю вамъ: создайте мнѣ не кедръ, не дубъ, не пальму, не слона, не удава, — сдѣлайте муху, или розу, или хоть былинку травную.... Безсиліемъ, только совершеннымъ безсиліемъ вы можете отвѣтить мнѣ на это.

Да, господа, граница созданій человѣческихъ непреодолима: между творчествомъ человѣческимъ, и творчествомъ Божіимъ — пропасть, бездна безконечная. Мы *творимъ*, производимъ видоизмѣненія существа, Богъ творитъ самое существо. Мы соединяемъ свойства матеріи, Богъ творитъ стихіи матеріи. Мы создаемъ, *творимъ* мертвые механизмы, Богъ творитъ живые организмы. Словомъ, въ каждомъ случаѣ наше творческое могущество ограничивается однимъ лишь управленіемъ и приспособленіемъ силъ; одинъ Богъ творитъ силу и Самъ ее поддерживаетъ. Отличительное и исключительное свойство творчества Божія есть твореніе существа, матеріи, жизни, жизни растительной, животной, разумной и свободной. Посему то христіанское богословіе слова: *въ началѣ сотвори Богъ* объясняетъ тѣмъ, что Богъ, по своей волѣ, безконечно свободной и безконечно всемогущей, восхотѣлъ, — и мѣръ дѣйствіемъ безконечнаго, творческаго всемогущества вышелъ изъ ничтожества въ бытіе.

Вотъ какова первая тайна, которую христіанство смѣло ставить какъ основаніе всего сущаго! И, тогда какъ рационализмъ старается сколько возможно поставить въ тѣни этотъ источникъ познанія міра, христіанство ставитъ эту тайну, какъ великое свѣтило, проливающее свѣтъ на все. Я не колеблюсь утверждать, что первое слово нашего исповѣданія вѣры есть вмѣстѣ съ тѣмъ и первое слово науки, потому что оно объясняетъ намъ происхожденіе и причину всего сущаго, потому что оно есть источникъ вѣдѣнія и первая причина познанія вещей. И въ самомъ дѣлѣ, тайна творенія, такъ какъ ее проповѣдуетъ христіанство т. е. какъ дѣйствіе воли безконечно свободной, но и безконечно всемогущей, дающее бытіе міру, который не существовалъ, дающее ему не только форму, движеніе и гармонию, но и матерію и жизнь,—тайна эта есть единственное данное намъ рѣшеніе великаго вопроса о бытіи міра,—единственное, какое можетъ принять разумъ и допустить научный взглядъ.

Мы говоримъ, нужно замѣтить, *тайна* творенія, потому что какой бы свѣтъ ни бросалъ этотъ основной догматъ на науку, она всегда останется тайной, то есть истиною, которая *далеко закрыта отъ очей человеческого разума* подъ таинственнымъ покрываломъ, совершенно снятъ которое наука никогда не будетъ въ состояніи. Какимъ образомъ происходитъ твореніе? Какимъ образомъ то, что не существовало является въ бытіе, какъ происходитъ этотъ переходъ изъ ничтожества въ бытіе, изъ возможности въ дѣйствительность? Какъ произошелъ этотъ міръ? Кто проникнетъ и выскажетъ это тайну! А допустивши уже твореніе, какимъ образомъ установить тѣсную связь между сотвореннымъ и несотвореннымъ, между конечнымъ и безконеч-

постию, между временемъ и вѣчностью, между пространствомъ и неизмѣрностью? А это *время* столь таинственное и темное, — время, которое начинается въ моментъ самаго творенія и которое только и мыслимо чрезъ него и въ немъ — какимъ образомъ можетъ быть понято? А это *пространство*, мѣсто творенія, — пространство, которое уносится за твореніе далѣе, чѣмъ воображеніе, далѣе чѣмъ мысль, — какъ его описать, какъ опредѣлить? Безконечно ли оно, или конечно, или же только неизмѣримо? Какое отношеніе его къ міру, къ духамъ, къ Богу? Все сотворенное повторяетъ слово нашего догмата: тайна, тайна!

Такимъ образомъ среди ясности догмата мы признаемъ непроницаемость тайны. И мы въ томъ и отличаемся отъ нѣмецкихъ пантеистовъ и ихъ парижскихъ учениковъ, что въ то время, какъ они представляютъ намъ свои туманныя философскія понятія и выводы, какъ очевидную ясность, мы признаемъ тайну и непостижимость. Но когда мы говоримъ тайна, то неподразумѣваемъ здѣсь противурѣчія. Говоримъ: непостижимое, а не понятное; но говоря объ этой непостижимости, мы въ тоже время протестуемъ противъ неразумія. Я пойду далѣе, хочу удалить облако, которое закрываетъ солнце и мѣшаетъ проникнуть свѣту, — разумью облако метафизическихъ возраженій.

Міръ, вызванный изъ ничтожества кажется совершенною невозможностью. Ничтожество не можетъ стать бытіемъ? Христіанскій догматъ хотятъ разбить здѣсь объ извѣстную философскую аксіому: *изъ ничего ничего не бываетъ*. А призвавъ на помощь еще аксіому математическую, ктонибудь прибавитъ: нуль, помноженный самъ на себя, никогда не дастъ никакого количества и вѣчно останется нулемъ. Такъ и ничтожество, чтобы вы ни думали съ нимъ дѣлать,

никогда не прійдетъ въ бытіе. Этому противится метафизика; алгебра не позволяетъ этаго, наука удерживаетъ тебя отъ этаго и гнететъ на первомъ шагу твоего исхода. Такимъ образомъ, по видимому, мы должны быть побуждены и разумъ торжествуетъ подъ нашимъ догматомъ.

Но, во имя безпристрастной справедливости вашей, спрашиваю: кто изъ насъ училъ когда, будто-бы по ученію христіанскаго догмата о твореніи, ничтожество могло чѣмънибудь быть? Кто изъ насъ предслагаялъ вамъ ничтожество, какъ источникъ бытія? Ничтожество, т. е. совершенное отрицаніе жизни, существа, бытія, могло ли само стать жизнью, существомъ, бытіемъ? Вы отвергаете это предположеніе какъ неразумное, противурѣчивое, невозможное, — отвергаемъ его также и мы; даже отвергаемъ скорѣе и охотнѣе, чѣмъ тѣ, которые возстаютъ противу догмата о твореніи яснаго и логическаго. *Изъ ничего ничего не можетъ быть*; значить твореніе міра изъ ничего не возможно? Но какъ же вы понимаете эту великую аксіому, за которую держится ваша наука, чтобы подорвать тайну творенія? Значить ли она, что то, чего нѣтъ не можетъ стать бытіемъ? Неужели вы можете думать, что то, чего не было, уже не можетъ начать своего бытія? Но, господа, развѣ это не очевидный фактъ всякаго творчества, даже того слабаго творчества, какое доступно человѣку, — что то, чего не было — есть и начинаетъ быть?

Мы говорили только-что о творествѣ умственномъ. Допустимъ, что въ одно прекрасное утро, когда ты пробуждаешься отъ сна, вмѣстѣ съ первымъ лучемъ солнца, который падаетъ на твое чело, нѣкій другой лучъ западаетъ въ твою душу и мгновенно ее просвѣтляетъ. Тотчасъ ты подмѣчаешь между извѣстнымъ предметомъ соотношеніе, го-

торого дото́ль совершенно не предполагалъ и не видѣлъ, — и цѣлый новый міръ идей открывается твоему уму. И какъ это могло стать? *Изъ ничего ничего не можетъ быть.*

Но посмотримъ даже на живую дѣйствительность нашего существа. Вижу, какъ сидишь ты спокойный въ неподвижности своего отдыха. Вдругъ неподалеку отъ себя раздается крикъ; въ ту же минуту пробуждается въ тебѣ творческій актъ, — актъ воли. Поведительный голосъ приказываетъ тѣлу; встань, и иди! И тотъ — часъ все твои фибры приходятъ въ движеніе, напрягаются нервы, мускулы и все тѣло поднимается и идетъ. Тѣло это было недвижимо, — теперь движется; этаго движенія небыло, теперь есть, — какъ это стало? *Изъ ничего ничего не можетъ быть.*

Ты великій артистъ; въ тебѣ воплощается отблескъ идеала, свѣтабѣтъ взглядъ, чело проясняется за кистью: еще нѣсколько часовъ, — и твоя идея уже на полотнѣ, и является предъ тобой образъ, который, кажется, говоритъ тебѣ: я твое созданіе, первородный плодъ твоего гения. Вчера еще произведенія этаго не было, сегодня оно есть, — и какъ это могло быть? *Изъ ничего ничего не можетъ быть.*

Знаю, что вы скажете: сила умственная создала систему; сила движенія создала движеніе; сила вдохновенія создала художественную картину. Созданія эти имѣютъ свою причину бытія: ничтожество не есть здѣсь причина и ничего не значить; причиною тутъ только сила умственная, сила движенія, сила вдохновенія. Хорошо, отвѣтимъ но и мы также точно утверждаемъ, что *сила творческая*, причина безконечно всемогущая, восхотѣла и река: *да будетъ*, — и міръ, котораго не было, явился.

Что-жъ общаго между этимъ рѣшеніемъ и метафизическою аксіомой: *изъ ничего ничего не бываетъ*? Что значать здѣсь

ваши алгебраическія формулы? Что значить то, что нуль, то есть, отрицаніе количества, умноженное на нуль, не даетъ вамъ въ результатъ ничего больше, какъ только нуль, то есть отрицаніе количества? Развѣ мы утверждаемъ, что ничто, умноженное, можетъ что-нибудь дать? А если бы еще мы захотѣли идти за вами въ область математическаго отвлеченія, такъ далеко оторвавшую себя отъ міра дѣйствительности, развѣ не могли бы мы обратить на васъ же самихъ оружіе, поднятое противу насъ? Развѣ не вы учитите, что нуль, умноженный на безконечность даетъ, какое-то количество? Что-жъ тутъ уже удивительнаго, если въ порядкѣ бытія ничто, умноженное безконечною силою является міромъ, или лучше, если міръ, дотоѣ не бывшій, выходитъ изъ ничего дѣйствіемъ безконечной силы? Гдѣ, спрашиваю, тутъ невозможность? Гдѣ несообразность? Гдѣ противурѣчіе? Невозможность—лишь въ томъ ложномъ понятіи, какое имѣете вы объ актѣ творенія; несообразность же—въ отверженіи этаго творческаго акта,—единственной разумной причины бытія вещей, а противурѣчіе—въ предположеніи, что хотя твореніе есть, но творенія не могло быть.

Но, во имя науки, вы еще не уступаете намъ, и чтобы убѣдить насъ въ своемъ мнѣніи и доказать наше противурѣчіе, разсуждаете: Если міръ начался, если существо его выходитъ изъ ничтожества, то существо бытія сотвореннаго въ соединеніи съ существомъ творящимъ развѣ не увеличиваетъ суммы бытія и не дѣлаетъ нѣкотораго прибавленія къ безконечности, т. е. извѣстнаго количества бытія сверхъ безконечности, или выразимся лучше математически, развѣ не дѣлается тогда безконечность чѣмъ-то еще большимъ? Развѣ такое предположеніе невозможно логически и метафизически? Какимъ образомъ я могу по-

нять, что твореніе увеличило сумму бытія, чего жъ? той безконечности, которая была предъ твореніемъ. А если будешь утверждать, что не умножаетъ ея, то какимъ образомъ можешь думать, что актъ творческой вывелъ нѣчто изъ ничтожества?... Выйди изъ этаго затрудненія, если ты въ состояніи. Если актъ творческой вывелъ изъ ничтожества ту сумму существъ, которая составляетъ міръ, то въ такомъ разѣ нѣтъ ли увеличенія бытія? Если же есть увеличеніе бытія, то во что такимъ образомъ обратилась безконечность?... Или нѣтъ творенія изъ ничего, или же нѣтъ безконечности въ Творцѣ.

Я не думаю ни уклоняться отъ возраженія ни ослаблять его, и мнѣ кажется, что вы сами не предложили бы большаго и существеннѣйшаго, чѣмъ то, какое я высказываю. Хотите однако-жъ видѣть, что доказываетъ это возраженіе? Доказываетъ грубость понятія о безконечности Творца въ философахъ и мудрецахъ, его предлагающихъ. Что же это за метафизика, которая смотритъ на бытіе безконечное и конечное какъ на двѣ величины, которыя можно сложить? Какъ? развѣ существо, по одному повелѣнію возставшее изъ ничтожества, можетъ своей цѣнностію увеличить существо, давшее ему бытіе?

Впрочемъ развѣ не имѣемъ мы отраженія этой божественной тайны въ обществѣ, чловѣкѣ и въ цѣломъ твореніи? Представьте себѣ власть на столько полную и безграничную, на сколько можно ее сосредоточить въ одномъ чловѣкѣ, олицетворяющемъ общественную идею великаго народа. Этой единственной верховной власти угодно было, въ одно время, устроить вокругъ себя и подъ собою низшія зависимыя власти, цѣлую іерархію министровъ, префектовъ и государственныхъ чиновниковъ.

Кто-жъ осмѣлится сказать, что, послѣ такого устройства низшихъ властей вышею, увеличилась сумма власти? Или, неужели бы вы повѣрили на слово, если бы кто увѣрялъ васъ, что художникъ, который выражаетъ во внѣ отблескъ своей души и творить произведенія за произведеніями, которыхъ создалъ уже сотни и тысячи, — что художникъ этотъ сдѣлался меньше ростомъ, либо выросъ сравнительно съ прежнимъ? Развѣ вы думали бы, всѣ тѣ красоты, которыми отличаются его произведенія, становятся для него новыми лучами, увеличивающими тотъ его душевный пламень, — тотъ геній, который ихъ произвелъ? А этотъ свѣтъ ученія, который въ сію выходитъ отъ меня и идетъ къ вамъ, — свѣтъ души изливающійся въ словъ, чтобы собою наполнить тысячи душъ, развѣ онъ увеличиваетъ скольконибудь тотъ источникъ, изъ котораго выходитъ, выливается и сообщается?

Дѣйствительно, нужно признать, что все это суть только образы, отраженія, отбѣнки творенія, если хотите. Примеры эти только облегчаютъ вамъ понятіе о сообщеніи бытія, являющагося въ актѣ творческомъ, который ни увеличиваетъ бытія, ни дополняетъ безконечности. Да, это я высказываю безъ всякаго сомнѣнія, и нисколько не колеблясь повторю, что въ глубинѣ творческаго акта появленія міра скрывается тайна непостижимая; тайна эта — наша немощь, по которой мы не въ состояніи видѣть и понять безконечности въ ея внутренней природѣ и проявленіи во внѣ. Тайна! это истина скрытая, да, глубоко сокрытая внутри самой себя, но ясность ея, просвѣчивающаяся во внѣ, освѣщаетъ разумъ человѣческой тѣмъ первобытнымъ свѣтомъ, безъ котораго вездѣ тьма и научный хаосъ, такъ точно какъ тьма и хаосъ, покрывали матеріальный міръ до тѣхъ поръ пока все-

могущее слово «*да будетъ свѣтъ*» не вызвало свѣта.

Въ самомъ дѣлѣ, устраните только эту тайну, стоящую въ преддверіи науки о мірѣ, и тотчасъ свѣтъ угаснетъ; не будетъ ужъ ни какой науки о мірѣ. И если бы тутъ были противники христіанской тайны, я сказалъ бы имъ: вы отвергаете наше разрѣшеніе великой загадки о бытіи міра, покажите-жъ ваше. Тогда мы будемъ дѣлать вамъ возраженія, а вы защищайтесь; мы будемъ спрашивать, — вы отвѣчайте. (Окончаніе слѣдуетъ).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

по поводу «*Поученій на малороссійскомъ языкѣ, Священника Іоанна Бабченка.*» (Харьковъ 1863 г. Университ. типог. 8°. VII и 133 стр. ц. 75 к.).

Малороссійская рѣчь въ недавнее только время начала пріобрѣтать литературную извѣстность. До присоединенія Малороссіи къ Россіи, и потомъ по присоединеніи—до настоящаго столѣтія, малороссійское слово не заявило своего бытія ни однимъ печатнымъ сочиненіемъ. Только въ первой четверти настоящаго столѣтія Котляревскій и Гулакъ-Артемовскій начали печатать малороссійскіе стихи; легкая малороссійская проза явилась еще позже, едва ли не впервые подъ перомъ Квитки. Какъ же отнеслось правительство къ этой, зараждавшейся только литературѣ? Оно дало ей безъ всякаго препятствія право печататься, и никогда потомъ не запрещало печатать малороссійскія сочиненія только за то, что они писаны по малороссійски. Доказательствомъ слу-

жить то, что досель напечатано у насъ достаточно количество малороссійскихъ стиховъ и прозы, сначала легкой а потомъ и серьезной. Сочиненія, предназначаемыя для народнаго образованія, не встрѣтили никакого препятствія со стороны правительства. Такъ печатались граматки и грамматки малороссійскія. Наконецъ съ недавняго времени, даже сочиненія религіознаго содержанія начали свободно появляться въ печати на малороссійскомъ языкѣ. Было нѣсколько выпусковъ малороссійскихъ проповѣдей П. Гречулевича, а въ настоящемъ году вышли и «поученія на малороссійскомъ языкѣ» святи. Іоанна Бабченка. Такимъ образомъ правительство даетъ малороссійской рѣчи право бытія и нѣсколько не стѣсняетъ ее въ своемъ развитіи.

Съ религіозной точки зрѣнія вопросъ о возможности писать для малороссовъ проповѣди и вообще книги духовнаго содержанія по малороссійски можетъ быть рѣшено также въ пользу малороссійской рѣчи. Когда первоучители славянскіе приступили къ переводу священнаго писанія и Богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ и начали совершать Божественную литургію на этомъ языкѣ, то Папа Іоаннъ VIII-й, не смотря на то, что сначала (въ 879 году) воспрещалъ пѣть литургію на варварскомъ, т. е. славянскомъ языкѣ, — спустя немного (въ 880 году) иначе уже рассуждалъ объ этомъ предметѣ. Въ посланіи своемъ къ Святополку онъ писалъ такъ: «Словянскія письмена, изобрѣтенныя нѣкимъ Филоссофомъ Константиномъ, мы похваляемъ. Священное писаніе велитъ не тремя языками, но всеми славить Господа: *хвалите Господа вси языцы.* Апостолы, исполнивъ Духа Святаго, глаголали всеми языками величіе Божіе. Небесная труба Навель гремитъ, вѣщая: *всякъ языкъ да исповѣсть, яко Господь нашъ Іисусъ*

Христосъ въ славу Бога Отца, и въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ ясно увѣщаваетъ насъ, да *малою языками, созиждемъ церковь Божию*. Ничто не препятствуетъ здоровой вѣрѣ и ученію пѣть литургію на славянскомъ языкѣ, или читать святое евангеліе или Божественныя поученія ветхаго и новаго завѣта, хорошо переведенныя и истолкованныя, или всѣ другія церковныя книги: ибо кто создалъ три главныя языка: еврейскій, греческій и латинскій; тотъ же сотворилъ и всѣ прочія на славу и хвалу свою.»*. Мы нарочно привели это свидѣтельство, какъ потому, что въ немъ коротко раскрыто правильное ученіе вѣры о безразличіи языковъ въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія и даже богослуженія, такъ и для того, чтобы показать, что противъ употребленія въ церкви народнаго языка не возставалъ даже представитель римской церкви, которая и теперь еще не отличается терпимостію языковъ въ церкви, и допускалъ на варварскомъ, по его мнѣнію, языкѣ словенскомъ даже совершеніе богослуженія въ ту пору, когда въ Римѣ сильно было убѣжденіе, что священныя книги могутъ быть писаны только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, потому, будто бы, что на нихъ только повелѣніемъ Пилата, написано было на крестѣ имя Распятаго Спасителя. ** Православная же Греко-восточная церковь всегда отличалась терпимостію языковъ и безпрепятственно позволяла проповѣдывать евангеліе иноплеменнымъ народамъ на ихъ родномъ языкѣ.

Но не такъ относятся у насъ къ этому дѣлу нѣкоторыя частныя лица. Между тѣмъ какъ одни думаютъ, что мало-

* Истор. Русск. Словесн. Шевырева т. I. ч. 1. стр. 144.

** Тамъ-же.

россія имѣть свое особенное нарѣчіе, и стремясь создать на немъ литературу,—другіе не признаютъ за малороссійскою рѣчью правъ особеннаго языка. Такъ въ приложеніи къ 9-й книжкѣ „Вѣстника Юго-западной и Западной Россіи“, по поводу извѣстія о готовящемся переводѣ евангелія на малороссійское нарѣчіе, какой то „Малороссіянинъ“ говоритъ: „переводить евангеліе на грубое, бѣдное, карикатурное провинціальное нарѣчіе, исчезающее изъ употребленія народнаго, нелюбимое народомъ (Sic) и ежеднѣвно теряющее свою *случайную особенность*, въ сляніи съ родоначальнымъ (?) его языкомъ русскимъ, — это просто дѣвольская попытка заворотить народъ назадъ въ XVII столѣтіе, это глумленіе надъ словомъ Божиимъ, злоумышленная попытка надъ народомъ, его исторіей и надъ его образованіемъ. Исчезающее (!) малороссійское нарѣчіе—этотъ не законорожденный плодъ насильственнаго соединенія русизма съ польщизною, — никогда не имѣло ни грамматики, ни лексикона, т. е. никакихъ *документовъ о своемъ рожденіи*. Теперь вы хотите *поддѣлывать* для него эти документы. Воля ваша, а это въ литературѣ—уже своего рода уголовное преступленіе. Вы даже хотите, чтобы малороссіянинъ и не молился Богу по словянски, и евангеліе читалъ не на славянскомъ и не на *вполнѣ(?)* ему понятномъ русскомъ языкѣ, но на безобразномъ, неправильномъ, искалѣченномъ и отъ природы и по милости такихъ нянекъ, какъ вы, и зараженномъ проказою полонизмовъ, малороссійскомъ нарѣчій?! Не обратится ли въ самомъ дѣлѣ въ врачебную управу.»* Оставляя въ сторонѣ слишкомъ энергическія выраженія этаго фразистаго протеста и тѣ обви-

* Приложение къ 9 книжкѣ «Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи» стр. 2

ненія его, которыхъ преувелченность и несостоятельность видны съ перваго раза для людей сколько шибудь понимающихъ дѣло, обратимъ вниманіе на тѣ обстоятельства, въ которыхъ отрицающіе существованіе и достоинство малороссійскаго языка могутъ имѣть основаніе.

Если не брать во вниманіе народныхъ малороссійскихъ пѣсень, сочинители которыхъ имя не извѣстны, и праздничныхъ *вѣршей*, составленныхъ вѣроятно бакалярами и школирами XVIII-го столѣтія *, то малороссія дѣйствительно не имѣла литературы и не сознавала ни потребности, ни возможности имѣть ее. Древняя Кіевская Академія имѣла слушателей и преподавателей преимущественно малороссовъ; несмотря на то, ни въ самой Академіи малороссійская рѣчь не была употребляема школьнымъ образомъ, ни въ людяхъ, получившихъ въ ней образованіе, не имѣла своихъ представителей. Да и какъ могла образоваться литература на такомъ нарѣчій, которое не имѣло даже грамматики и лексикона, которое было вовсе не обработано и которое, если отнять отъ него общеславянскія и польскія слова, осталось бы почти ни при чемъ и следовательно само по себѣ не представляетъ отдѣльнаго нарѣчія? Соглашаясь, что во всемъ этомъ есть своя доля правды, возьмемъ во вниманіе и соображенія, которыя можно представить на защиту самостоятельности малороссійскаго слова. Кому равно извѣстны русская и малороссійская рѣчь, тотъ согласится съ тѣмъ, что послѣдняя, при видимомъ и пожалуй близкомъ сходствѣ съ первою, имѣетъ и большое отличіе отъ нея. Отличіе это находится въ словахъ, ихъ измѣненіи, сочетаніи и произношеніи, стало быть малорусская рѣчь

* Смотр. Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Декарскаго, томъ 1 стр. 383 и слѣд.

имѣть основаніе для своей собственной грамматики. И если у малороссовъ нѣтъ досель порядочной грамматики своего языка и лексикона, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что и малороссійскій языкъ не существуетъ, равно какъ нельзя сказать на такомъ же основаніи, что до Ломоносова и Академическаго словаря не существовалъ русскій языкъ. Правда, малороссійскій языкъ не имѣетъ своей литературы и потерпѣлъ огромное вліяніе отъ польскаго языка; но литература есть признакъ развитія, а не существованія языка. Литературы не бываетъ дотолъ, пока нѣтъ народнаго образованія. Что же касается наплыва въ малороссійскую рѣчь польскихъ словъ, то нисколько не отрицая его, должно замѣтить, что со всеми этими словами геній малороссійскаго языка поступилъ какъ съ своею собственностію, т. е. далъ имъ не только свое произведеніе, но и свои формы и свой строй. Общеславянскія же слова составляютъ неотъемлемую принадлежность малороссійскаго языка такъ-же, какъ принадлежитъ онъ неотъемлемо и другимъ славянскимъ языкамъ. Да гдѣ теперь взять языкъ, который могъ-бы похвалиться особенною чистотою? Международныя отношенія имѣютъ сильное вліяніе на внесеніе въ современные языки переэринизмовъ.

Но согласимся, что по составу своему малороссійская рѣчь нечиста; однако, на основаніи статистическихъ данныхъ, мы должны признать, что въ губерніяхъ: Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Кіевской, Харьковской (большою частию), и частию въ Курской и Воронежской малороссійская рѣчь есть народная; мы должны признать, что этою рѣчью говорило съ давнихъ временъ и говорить въ настоящее время нѣсколько милліоновъ народа и что этотъ народъ съ трудомъ понимаетъ всякую

другую рѣчь, даже русскую, равно, какъ и его плохо понимаютъ всѣ прочіе славянскія племена. Значить, если мы желаемъ, чтобы народныя учителя и книги были понятны для народа, то не можемъ отвергать пригодности для него книгъ на нарѣчьи вполне ему понятномъ. Если кто, то особенно учитель вѣры долженъ быть понятенъ, и чѣмъ онъ будетъ понятнѣе, тѣмъ удобнѣе будетъ принято учение предлагаемое имъ. Итакъ съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что появленіе въ свѣтъ на малороссійскомъ языкѣ проповѣдей, имѣющихъ *единственнымъ* цѣлю духовное назиданіе народа,—есть дѣло, по видимому вызываемое настоятельною потребностію со стороны пастырей и самаго народа.

Но въ самомъ ли дѣлѣ это такъ? Въ самомъ ли дѣлѣ пастыри церкви чувствуютъ потребность проповѣдывать слово Божіе для малороссовъ на ихъ родномъ нарѣчьи? Въ самомъ ли дѣлѣ и народъ малороссійскій любитъ и требуетъ, чтобы ему возвѣщали слово Божіе на его природной *мовѣ*? На эти вопросы должны и могутъ отвѣчать только тѣ лица, къ которымъ они прямо относятся, т. е. пастыри малороссійскихъ приходовъ и ихъ пасомые. Справедливо полагать, что О. Гречулевичъ и О. Бабченко и къ написанію и къ напечатанію проповѣдей на малороссійскомъ нарѣчьи побуждаемы были глубоко сознанныю потребностію и возможностью проповѣдывать слово Божіе по малороссійски. Но это свидѣтельство двухъ пастырей, быть можетъ и вѣрно, однако-же недостаточно. Мы желали бы слышать отзывы многихъ или нѣсколькихъ тысячъ пастырей о томъ, дѣйствительно ли проповѣдь на русскомъ языкѣ, не совсемъ понятная для малороссовъ, можетъ быть съ пользою и удобностію замѣнена проповѣдью на малороссійскомъ языкѣ? Мы

увѣрены, что многіе пастыри, не утверждая, чтобы проповѣдь на русскомъ языкѣ была *вполнѣ* понятна для необразованныхъ малороссовъ, въ тоже время сознаются, что и проповѣдь на малороссійскомъ языкѣ едва ли можетъ быть пригодна для малороссійскихъ проповѣдниковъ. И во первыхъ, при неразвитости малороссійской рѣчи, едва ли оу насъ найдется много мастеровъ проповѣдывать по малороссійски. Всѣ почти слова, относящіяся къ христіанскому Богословію, равно оис слова отвлеченныя, которыхъ нѣтъ въ малороссійской рѣчи, дѣлають чрезвычайно затруднительною проповѣдь на малороссійскомъ нарѣчїи. Конечно мы согласны съ тѣмъ, что при извѣстныхъ условїяхъ, т. е. при внесенїи въ малороссійскую рѣчь элементовъ церковно-славянскаго и русскаго, для выраженїя богословскихъ и отвлеченныхъ понятїи, возможно создать малороссійскую проповѣдническую литературу; но пока писатели будутъ бороться съ трудностями языка, съ опасностію иногда ввести слушателей въ заблужденїе неточными выраженїями, народъ малороссійскїй можетъ остаться безъ проповѣди. Намъ случалось слышать домашнїе бесѣды священниковъ съ малороссійскими простолюдинами о предметахъ вѣры. Для того, чтобы быть сколько нибудь точными, они принуждены прибѣгать къ смѣси церковно-славянскаго, русскаго и малороссійскаго языковъ; на долю малороссійскаго оставались почти одни связи рѣчи. Не поздоровится и малороссійскому языку отъ такой проповѣди, если ее допустить на церковной кафедрѣ. Но хуже всего то, что вмѣстѣ съ чистотою рѣчи можетъ подвергнуться опасности и чистота ученїя христіанскаго. Зачѣмъ же подвергать его такой страшной опасности? Во вторыхъ, проповѣдь въ церкви на малороссійскомъ языкѣ не подготовлена у насъ ни распоряженїемъ

правительства, ни предшествующими благоприятными обстоятельствами. Если бы въ Малороссіи обучались покрайней мѣрѣ малороссійской грамотѣ, если бы малороссы имѣли хоть новый завѣтъ на своемъ родномъ нарѣчій, тогда церковная проповѣдь на малороссійскомъ языкѣ могла бы еще быть умвѣтною. Но безъ этихъ условій она можетъ показаться произвольнымъ нововведеніемъ, — а всякое нововведеніе въ дѣлахъ Церкви не безонасно. Вотъ, что должны по совѣсти сказать малороссійскіе пастыри о церковной проповѣди на малороссійскомъ нарѣчій.

По крайней мѣрѣ желательна ли малороссійская проповѣдь для народа? Объ этомъ, думаемъ, надобно уже овецъ спросить. Нельзя допустить, какъ утверждаетъ авторъ «Современникъ недоразумѣній», что малороссійское нарѣчіе не любимо народомъ. * Кажется Карамзинъ сказалъ, что и дышъ отечества пріятель для насъ, тѣмъ болѣе долженъ быть пріятель языкъ родной. Чезаротти справедливо замѣчаетъ, что «на свѣтѣ нѣтъ языковъ ни болѣе, ни менѣе благозвучныхъ; всѣ они равно пріятны, равно сладки для уха родныхъ сыновъ своихъ.» ** Но съ другой стороны надобно согласиться съ тѣмъ, что церковная проповѣдь на малороссійскомъ нарѣчій можетъ показаться для народа, — если не «глумленіемъ надъ словомъ Божиимъ», то по крайней мѣрѣ странностію. «Що це панотець выдумали Богъ зна що — казанье говорить по просту,» — сказали бы благоговѣйные малороссы, еслибы имъ предложена была по малороссійски проповѣдь съ церковной кафедрѣ. Простодушнѣе хочетъ, чтобъ въ церкви ему говорили, и читали не по *просту*, а по праздничному, по церковному, и всякая

* Прилож. къ Вѣсти Юго-Зап. Россіи (loco citato).

** Saggio sulla Filosofia delle lingue

рѣчь имѣющая церковное обличіе, хотя бы она до тонкости и небыла для него понятна, назидаетъ его умъ и питаетъ религіозное чувство, а ваша простонародная рѣчь, хоть бы и была совершенно понятна для него, не заслужила еще во мнѣніи самаго народа чести быть орудіемъ церковнаго ученія и, вмѣсто чувствъ благоговѣйныхъ, можетъ возбудить иногда чувство неприличное, особенно если къ несчастію, своею вульгарностію напоминаетъ простолюдину что либо смѣшное.

Безпристрастный читатель легко можетъ видѣть, что мы не принадлежимъ ни къ числу горячихъ защитниковъ малороссійскаго слова, ни къ числу разныхъ антагонистовъ его. Мы изложили дѣло о малороссійской проповѣди *sine ira et studio*, какъ оно есть, со всеми главнѣйшими аргументами *pro* и *contra*. Какой же выводъ изъ всего сказаннаго нами? Если и правительство не препятствуетъ развитію и печатному заявленію малороссійскаго слова, если и Церковь не находитъ ничего предосудительнаго въ проповѣди слова Божія на народномъ языкѣ вообще, если даже по теоріи видится возможность и потребность малороссійской проповѣди для малороссовъ; то для этаго на практикѣ недостаетъ еще много условій. Со стороны правительства и церкви нѣтъ прямаго полномочія проповѣдывать по малороссійски, со стороны пастырей—нѣтъ удобства удовлетворительно писать малороссійскія проповѣди и наконецъ со стороны народа во все незамѣтно желанія слушать ихъ. Итакъ, если прямая цѣль церковной проповѣди—наставленіе народа въ истинѣ вѣры, не достигается малороссійскими проповѣдями, то для чего же пишутся и печатаются они? Неужели для удовольствія просвѣщенныхъ любителей малороссійской мовы?

О ДОБРОВОЛЬНОМЪ ОСТАВЛЕНІИ СВЯЩЕННО-СЛУЖИТЕЛЯМИ ИХЪ САНА.

Въ недавнее время литература наша обратила вниманіе на дѣйствующее у насъ церковно-гражданское постановленіе о добровольномъ оставленіи священно-служителями ихъ сана (*). Постановленіе это такъ далеко расходится съ интересами духовенства и самой церкви, опредѣляемое же имъ положеніе священно-служителей такъ безвыходно, а происходящія отсюда явленія частной жизни того или другаго священно-служителя такъ печальны въ нравственномъ и житейскомъ отношеніяхъ, что все это невольно обратило на себя вниманіе общества. Впрочемъ вниманіе это первоначально останавливалось только на внѣшней жизни недовольныхъ своимъ положеніемъ священно-служителей,—на жизни, которая часто являлась въ очень неблагообразныхъ

* Св. Зак. т. IX ст. 276.

1. Священнослужители блага духовенства, просящіе объ увольненіи ихъ изъ сего званія въ свѣтское, испытываются въ теченіи трехъ мѣсяцевъ въ рѣшимости, и увѣщаются не уклоняться отъ принятаго уже на себя званія.
2. Буде и за симъ кто останется непреклоннымъ въ намѣреніи, то, съ разрѣшенія Святейшаго Синода, слагается съ него санъ, и о семъ дается знать мѣстному Губернскому Павленію для свѣдѣнія.
3. Уволенные по собственному желанію изъ духовнаго вѣдомства возвращаются въ первобытное свое состояніе, и не пользуются впредь ни какими иными выгодами; кромѣ присвоенныхъ тому состоянію; имъ воспрещается вступать въ государственную службу всякаго рода по познаніямъ и способностямъ: діаконамъ ранѣ шести лѣтъ по увольненіи, а священникамъ ранѣ десяти лѣтъ.
4. Имѣвшимъ до вступленія въ священно-служительскую должность свѣтскіе чины, военные или гражданскіе, какъ сложенные уже ими при посвященіи въ духовный санъ, оныя не возвращаются, и при вступленіи ихъ вновь въ службу, прежнія въ формулярныхъ спискахъ во все не показывается.

формахъ, и изъ наблюдавшихъ за этою жизнью одни просо-
тодушно потѣшались легкомысленными остроуміями надъ пад-
шимъ священно-служителемъ, другіе же съ словомъ пре-
зрѣнія отвращались отъ него. Подъ вліяніемъ какихъ об-
стоятельствъ сложилась жизнь въ печальныя, несообразныя
съ священнымъ саномъ, формы, въ слѣдствіе ли своего
нравственнаго безсилія и распущенности палъ священно-
служитель, или онъ утратилъ нравственную мощь въ не-
равной борьбѣ съ жизнью и съ своимъ труднымъ положе-
ніемъ въ обществѣ, объ этомъ почти никто не размышлялъ.
Только въ настоящее время, когда общество стало изоби-
ловать людьми способными не только видѣть, но и понимать
явленія жизни, когда постигли, какое важное вліяніе имѣеть
на образъ жизни и поведеніе каждаго гражданина, его по-
ложеніе въ обществѣ и юридическія условія его быта, толь-
ко теперь отъ неблаговиднаго образа жизни священно-слу-
жителей общественное вниманіе мало по малу стало обра-
щаться къ условіямъ ихъ юридическаго, и общественнаго
быта, и въ послѣднихъ стали находить причины ихъ непра-
вильной жизни, и объясненіе нравственнаго паденія священ-
но-служителей во многихъ случаяхъ нашлось именно въ
томъ тяжеломъ постановленіи, о которомъ мы говоримъ.

Постановленіе сіе особенно стѣснительно для желающихъ
снять съ себя священный санъ по раннему вдовству. Ко-
му приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ иногда не
важное разстройство частной жизни, надолго ослабляетъ
энергію ума и воли и сопровождается большимъ или мень-
шимъ нравственнымъ расслабленіемъ, тотъ пойметъ, какъ
много нужно силы воли и нравственной устоячивости, что-
бы не потерялся нравственно, когда невзгоды житейскія
однимъ разомъ разрушаютъ весь планъ нашей жизни. Такое

менно разстройство вносится въ жизнь священнослужителя его преждевременнымъ вдовствомъ. Онъ хотѣлъ жить въ обществѣ и потому избралъ для себя такую форму жизни, которая тѣсно связывала его съ обществомъ людей; но вотъ эта связь порвана, несчастный вдовецъ не въ силахъ подавить въ себѣ потребность этой связи, а юридическое положеніе обрекаетъ его на всегдашнее одиночество. Жизнь совсѣмъ не по сердцу, не по личнымъ понятіямъ отъ жизни, не по личнымъ стремленіямъ и склонностямъ! Какъ выйти изъ этого труднаго положенія? Въ сознаніи общественнаго долга погрузиться всецѣло въ исполненіе своихъ обязанностей? Счастливы тотъ, кто сумѣетъ забыть свои личные интересы ради интересовъ общества, въ комъ такъ полно развилось сознаніе общественнаго долга и общественнаго блага. Но что дѣлать тѣмъ, которые не могутъ подняться до такой высоты? А такихъ людей — большинство. Имъ остается одинъ исходъ — снять съ себя ярмо и снова облечься въ одежду мірянина. Многие, конечно, желали бы этого, но какъ сдѣлать это въ виду этой пытки долгодѣльныхъ матеріальныхъ нуждъ и нравственнаго униженія, пытки, которая поставлена имъ на этомъ пути дѣйствующимъ и душамъ постановленіемъ? Нужно Священнику 10, а Дякону 6 лѣтъ оставаться почти безъ всякихъ правъ и какъ бы подъ политическою смертію. Нужно имѣть особые средства, чтобы рѣшиться на такую пытку. Вдовымъ Священнослужителямъ часто указываютъ выходъ въ другую, противоположную сторону, — на совершенный разрывъ съ обществомъ и постриженіе въ монашество. Но эта форма жизни представляется намъ слишкомъ высокою для того, чтобы можно было признать достойнымъ этого званія вступленіе въ него несвободною и въ слѣдствіе какихъ бы то

ни было принудительныхъ обстоятельствъ. И такъ бѣдному вдовцу остается довольствоваться нелюбимъ положеніемъ и жить въ обществѣ какъ бы отверженникомъ общества. И вотъ этотъ отверженникъ общества, невольный, мало по малу, перестаетъ уважать общественный долгъ и общественное мнѣніе, и въ слѣдствіе того естественно начинаетъ кое-какъ исполнять свою обязанность; постоянное внутреннее недовольство его самимъ собою и своимъ положеніемъ сопровождается апатичнымъ или даже небрежнымъ отношеніемъ его къ дѣлу общественнаго служенія. Есть ли смыслъ въ существованіи такихъ пастырей церкви? Какую пользу церкви и обществу приносятъ ихъ служебная дѣятельность? Объ успѣхахъ ихъ религіозно-правственнаго вліянія на общество нѣтъ нужды и говорить; остается только желать, чтобы руками этихъ дѣателей не сваялись плевелы. Между тѣмъ не всегда обходится и безъ этого положительнаго вреда. Но крайней мѣрѣ не рѣдкость то явленіе, что подобные священно-служители, не дѣлаясь намѣренными святыми плевель, тѣмъ не менѣе собственною жизнію ненамѣренно мѣшаютъ полному плодопошенію добраго сѣмени въ сердцахъ тѣхъ, которые не въ состояніи различать божественное отъ человѣческаго въ служителяхъ церкви. Мы разумѣемъ здѣсь тѣхъ вдовцовъ священно-служителей, которые въ постоянной борьбѣ съ своимъ положеніемъ утрачиваютъ энергію нравственной силы, подчиняясь жалкому всероссійскому обычаю — заливать горе. Распушенность во всѣхъ видахъ обыкновенно обозначаетъ окончательное нравственное паденіе изнемогаго борца жизни. Въ нашей же епархіи, недавно, былъ священникъ, который овдовѣвъ на первомъ году своей супружеской жизни, не устоявъ въ борьбѣ съ своимъ положеніемъ, пустился на всѣ, запре-

щенные для него, плоды жизни и наконец со всемъ пропалъ съ мѣста своего служенія; носится слухъ, что онъ, свернувъ съ прямой дороги, скитается по дебрямъ міра сего, занимаясь такими профессіями, отъ которыхъ за нѣсколько лѣтъ самъ отвернулся бы съ презрѣніемъ. За чѣмъ же церковь удерживаетъ въ дому своемъ такихъ не полезныхъ для нея священно-служителей? Какимъ закономъ руководствуется она въ семъ случаѣ и какъ неприкосновененъ этотъ законъ?

Чтобы понять это, обратимся прежде всего къ исторіи первыхъ временъ христіанства. Здѣсь, какъ въ живой практикѣ церкви, такъ и въ руководственныхъ правилахъ ея, мы не встрѣчаемъ никакого преслѣдованія за оставленіе священнаго сана. Не споримъ, что въ тѣ времена, быть можетъ, не было и случаевъ, чтобы священно-служители добровольно оставляли свое священно-служительское званіе; но мы знаемъ, какъ въ сихъ случаяхъ стала бы дѣйствовать церковь, если бы она въ добровольномъ оставленіи священнаго сана видѣла преступленіе? Мы знаемъ, что вѣншія гражданскія преслѣдованія за духовныя преступленія были рѣшительно не согласны съ духомъ первенствующей церкви. Сознывая себя царствомъ не отъ міра сего, она никогда не вторгалась въ вѣншую матеріальную силу въ житейскій бытъ членовъ своихъ, какъ бы ни оскорблялась святость правилъ ея. Сознывая въ себѣ обиліе силъ духовныхъ, и вѣруя въ истинность и неотразимую дѣйственность этихъ силъ на сердца людей, церковь, для успѣшнѣйшаго распространенія своихъ понятій, всегда употребляла мѣры только духовныя и всею уклоненія членовъ своихъ отъ проповѣдуемаго ею новаго порядка старалась предупреждать наказаніями только духовны-

ми, нравственными.

Въ правилахъ Апостольскихъ, которыми, можно сказать, исключительно руководствовалась церковь въ своемъ управленіи въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ, къ разсматриваемому нами предмету подходятъ правила, запрещающія лицамъ, вступившимъ въ клиръ, совмѣщать съ своимъ званіемъ чины и должности гражданскія, т. е. вступать въ дѣла народнаго управленія и вообще принимать на себя мірскія дѣла или попеченія (пр. 6. 81. 83). Нарушавшіе эти правила обыкновенно наказывались изверженіемъ изъ сана; на дальнѣйшую же жизнь изверженнаго, на дигтейскій бытъ его, церковь никакихъ наказаній не простирала, и это, конечно, на томъ разумномъ основаніи, что за одно преступленіе не справедливо наказывать дважды.

Въ первый разъ опредѣляется, особымъ правиломъ, церковное наказаніе за оставленіе священно-служителями ихъ сана въ V вѣкѣ, на вселенскомъ Халкидонскомъ Соборѣ: *«Вчиненнымъ единожды въ клиръ, и монахамъ, опредѣлили мы не вступати ни въ воинскую службу, ни въ мірскій чинъ; иначе дерзнувшихъ на сіе и не возвращающихся съ раскаяніемъ къ тому, что прежде избрали для Бога, предавати анаемъ»* (пр. 7.). Мы не имѣемъ средствъ раскрыть обстоятельства, вызвавшія такое постановленіе; но думаемъ, что у отцевъ собора были при этомъ какія-либо особыя причины и что раскрытіе сихъ причинъ могло бы ясно показать, въ какой мѣрѣ неизмѣнно-соборное постановленіе, тѣмъ болѣе, что тотъ же соборъ не признавалъ его безусловно неизмѣненнымъ и значительно ослабилъ силу его, допустивъ въ 16 правиломъ снисхожденіе къ виновнымъ, по усмотрѣнію. Впрочемъ нужно замѣтить, что и въ семь правилъ Церкви осталась вѣрною

себѣ — полагать наказанія преступающимъ уставы, ея только духовныя или нравственныя.

Дѣйствующее у насъ церковно-гражданское постановленіе о слагающихъ съ себя священныи санъ явилось недавно. Въ 1833 году Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ предложенія Св. Синода, какъ поступать съ священно-церковно-служителями блага духовенства, слагающими свой санъ по желанію ихъ, постановилъ: «уволенными по собственному желанію изъ духовнаго вѣдѣнія оставлять права, по рожденію или приобретенному дворянству имъ принадлежащія, дозволяя вступленіе въ Государственную службу всякаго рода по познаніямъ и способностямъ. Тѣмъ изъ нихъ, кои въ духовномъ званіи имѣли ордена или одну изъ трехъ ученыхъ степеней: Магистровъ, Кандидатовъ и Студентовъ, сохранять оныя. Илѣшнимъ до вступленія въ священно-служительскую должность свѣтскіе чины, военныя или гражданскія, какъ сложеныя уже или при посвященіи въ духовный санъ, оныя не возвращать, и при вступленіи ихъ вновь въ службу, прежней въ формулярныхъ спискахъ вовсе не показывать.» (Поли. Собр. Зак. т. VIII. № 6289.) Въ 1839

году, въ дополненіе сего, послѣдовало другое, болѣе строгое постановленіе Высочайшимъ, Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества повелѣніемъ, даннымъ 22 Февраля вышеозначеннаго года, постановлено: «*Діаконамъ, добровольно съ себя слагающимъ сіе званіе, воспретитъ вступать въ какой бы то ни было родъ государственной службы ранѣе шести лѣтъ, а священникамъ ранѣе десяти лѣтъ, возвращаясь каждому въ первобытное свое состояніе и не пользуясь впредь никакими*

иными выгодами, кромѣ состояніемъ силъ присвоенными.» (Полн. Собр. Зак. тома XIV. № 12,148) Были ли какія нибудь особыя причины, вызвавшія такое строгое постановленіе, намъ неизвѣстно. Изъ Сенатскаго, послѣдовавшаго по сему случаю, указа видно только, что Высочайшее повелѣніе послѣдовало на докладъ Св. Синода объ одномъ священно-служителѣ, слагавшемъ съ себя санъ; при чемъ на какаго мнѣнія Св. Синода о преслѣдованіи гражданскимъ судомъ слагающихъ съ себя священный санъ въ означенномъ докладѣ не видно.

Что сказать о значеніи сего постановленія? То, что оно во 1-хъ не есть постановленіе церковное, слѣд. при обсужденіи его не можетъ быть и рѣчи о канонической его неприкосновенности; во 2-хъ постановленіе сіе не согласно съ духомъ того управленія, которымъ руководствовалась церковь не только въ первые вѣка христіанства, но и въ ту пору своего существованія, когда она, на Вселенскомъ Соборѣ, торжественно объявила добровольное оставленіе священства важнымъ преступленіемъ; слѣд. постановленіе это никакъ не можетъ быть одобряемо самою церковію, если она остается вѣрною характеру первоначальнаго своего устройства, и какъ постановленіе чисто гражданское, легко можетъ быть отмѣнено тою же гражданской властію. И мы тѣмъ рѣшительнѣе указываемъ на стѣснительность этого постановленія, что само правительство требуетъ нынѣ подобнаго рода указаній, выразивъ желаніе устроить юридическій бытъ духовенства согласно съ постановленіями Вселенскихъ соборовъ и св. отцевъ и примѣнительно къ потребностямъ современной общественной жизни.

Если же при объявленіи священно-служителями желанія

снять съ себя священный санъ необходимо употреблять, въ отношеніи къ нимъ, нѣкоторыя сдержки, то для сихъ сдержекъ, по нашему мнѣнію, довольно существующаго въ законѣ правила—давать объявившимъ желаніе снять съ себя священный санъ трехмѣсячное увѣщаніе. Такая чисто нравственная сдержка будетъ вполне рациональна и можетъ быть употребляема съ дѣйствительною пользою. Нужно только желать, чтобы дѣлаемые по порученію начальства увѣщанія не обратились въ принудительныя истязанія. Если же, наконецъ, почему бы то ни было, нужно опредѣлять наказанія за оставленіе священнаго сана, то пусть эти наказанія будутъ духовно-нравственныя, т. е. церковныя. Только такія наказанія, а не внѣшнія, гражданскія, церковь можетъ и должна употреблять. Въ семъ случаѣ мы не уничтожаемъ суда Церкви, не думаемъ, что изрекаемая симъ судомъ за оставленіе священнаго сана «анаѳема» ничего не значить; нѣтъ: мы знаемъ чьимъ именемъ судить Церковь; но предпочитаемъ судъ сей между прочимъ потому, что онъ всегда справедливѣе и милостивѣе; на немъ по основнымъ началамъ его, всегда обращалось и обращается вниманіе не на дѣло только, но и на побужденія къ нему; по этому, если слагающій съ себя священный санъ имѣетъ къ тому достаточныя, уважительныя причины, судъ церкви, безъ сомнѣнія, будетъ къ нему съ милостію. *

Д. Лужецкій.

* Калужскія Епарх. Вѣдомости. 1863 г. № 15.

Нѣсколько словъ о церковномъ пѣніи, въ связи съ дѣломъ народнаго образованія.

Благоговѣйное и благопріятное пѣніе есть одно изъ важнѣйшихъ условій церковнаго благолѣвія.

Обширность св. храмовъ, красота архитектуры, изящество живописи, великолѣпные кіоты, золотыя и серебряныя ризы св. иконъ и другая драгоценная, священная утварь, которою изобильно и разнообразно украшаются св. православные храмы—весьма благотворно дѣйствуютъ на душу христіанина. Но весь этотъ видимый блескъ есть только необходимая обстановка того благолѣвія, которое заключается въ богослуженіи; она только подготавливаетъ и настраиваетъ душу къ молитвѣ. Входишь напр. во св. храмъ—богослуженіе еще не начиналось. Любопытнымъ и вѣсть набожнымъ взглядомъ окидываемъ внутренность храма: вездѣ богатство, вездѣ великолѣпіе; стоимъ и не знаемъ куда засмотрѣться, на чемъ сосредочить вниманіе. Художественное сочетаніе богатства со вкусомъ вполне удовлетворяетъ нашему эстетическому чувству; въ душу невольно проникаетъ благоговѣніе къ святынь и невольно ощущается потребность преклонить колѣна и помолиться Источнику всякаго добра и красоты; но мы стоимъ и ждемъ чего то другаго, какого то высшаго ощущенія. Началось богослуженіе. Пріятный голосъ священнодѣйствующаго возгласилъ начало; въ отвѣтъ ему подъ сводами храма раздалась пѣніе хорошо организованнаго хора, стройные эти звуки разомъ отзывались въ душѣ каждаго предстоящаго, съ благоговѣйнымъ трепетомъ все внимають имъ. Тутъ исчезаютъ все мысли и намѣренія суетныя; сердца предстоящихъ, проникнутыя однимъ божественнымъ пламенемъ, сливаются въ одно сердце и, по мѣрѣ того, какъ

совершается богослужение и льются дивные звуки хора, — струится и чистая, пламенная молитва втрующихся.

Въ церквахъ Западнаго исповѣданія пѣніе замѣнено инструментальною музыкою; наша же православная церковь, строго соблюдая чистоту апостольскихъ преданій, удержала и усовершенствовала церковное пѣніе и въ отношеніи благолѣпія имѣетъ существенный перевѣсъ.

Православное богослужение при хорошей наружной обстановкѣ, сопровождаемое пѣніемъ, вполне соответствующимъ содержанию церковныхъ пѣснопѣній и важности великихъ и таинственныхъ образовъ, увлекаетъ нашу мысль и сердце въ міръ высшій не земной, унождаетъ храмъ небеснымъ чертогамъ. Это почувствовали и извѣстные въ нашей исторіи послы св. Владиміра въ константинопольскомъ храмѣ.

Къ сожалѣнію, не многимъ изъ насъ выпало на долю пользоваться этой важной выгодой въ богослуженіи. Хорошимъ пѣніемъ наслаждаются только жители г. Полтавы, да еще некоторыхъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ существуютъ пѣвческіе хоры изъ учениковъ духовныхъ и свѣтскихъ училищъ, и въ некоторыхъ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ помещики — любители церковнаго пѣнія, завели пѣвчихъ изъ бывшихъ своихъ крестьянъ, весь же прочій православный народъ и клиръ должны довольствоваться пѣніемъ слишкомъ незавиднымъ, которое, при преобладающей въ селахъ бедной обстановкѣ Божіихъ храмовъ, дѣлается еще незавиднѣе.

Нѣтъ сомнѣнія, что отъ такого пѣнія не много выигрываетъ молитвенное настроеніе. Кто не замѣчалъ, что какое бы ни было у него желаніе благоговѣнно помолиться въ церкви, — дурное пѣніе и чтеніе прерываютъ эту драгоценную жажду души и если не останавливаютъ о молитву совсемъ, то заставляютъ произносить ее пасивно, или женскато

предмета въ живописи и др. чтобы на немъ сосредоточить благовѣйную мысль, а иногда просто заставляютъ молящагося оборачиваться и выходить изъ церкви. Но что же дѣлать, если этотъ существенный недостатокъ благолѣпія большинствомъ не признается, а если и признается, то переносится равнодушно, и если къ улучшенію его мы не принимаемъ ни какихъ мѣръ! Между тѣмъ это очень важный предметъ, на который мы должны обратить серьезное вниманіе.

Какое теперь у насъ пѣніе?

Весь хоръ сельскихъ и даже нѣкоторыхъ городскихъ приходоѡ состоитъ изъ дьячка и нѣсколькихъ грамотныхъ людей прихода, разнаго сорта, съ безразличными и безобразными голосами. Поютъ они священныя пѣсни такъ, какъ считаютъ лучшимъ по своему понятію, а какъ понятія ихъ по этому предмету различны и частію бываютъ похожи на простонародный, уличный напѣвъ, то отсюда и выходитъ тотъ безобразный кличъ, котораго не только образованный, но даже сколько нибудь понимающій пѣніе человекъ не можетъ выносить равнодушно и иногда выходитъ изъ церкви. Притомъ, въ нѣкоторыхъ приходахъ и доесель есть еще такъ называемые въ простонародьи *запѣвалы*: это особенность собственно нашего края и бываетъ сосредоточена въ особѣ дьячка старика, или — крестьянина козака, мѣщанина, — а иногда даже въ лицѣ престарѣлаго приказнаго. Любовь къ пѣнію (исключительно церковному) доходить у нихъ до страсти — до болѣзни. Запѣвалани какъ не можетъ утерпѣть, чтобы не взойти на клиросъ и не заявить своего искусства, онъ не можетъ даже помыслить равнодушно о томъ, чтобы быть въ церкви и остаться слушателемъ чужаго пѣнія.

Личности эти въ иныхъ мѣстахъ нашей Епархіи можетъ быть и вывелись, но въ иныхъ попадаются и имѣютъ одинаковыя свойства. Какъ хранители церковныхъ напѣвовъ и учителя молодаго поколѣнія, они пользуются въ приходахъ особеннымъ авторитетомъ, а потому присвоили себѣ право поправлять и конфузить молодаго дьячка, хоть бы онъ несравненно болѣе ихъ понималъ церковное пѣніе. Запѣвалы наперечетъ знаютъ всѣ *нагласники, наславники, наподобны* и проч. Любятъ какъ-то особенно пѣть въ большіе праздники Эксапостиларіи и Задостойники и употребляютъ тутъ самыя страшныя извороты въ голосъ, отъ чего церковная пѣснь получаетъ у нихъ такой текстъ: *Ро же де стиво Твое не те ль не но я ца ви т ша ся* и проч. Присутствіе запѣвалы на клиросѣ весьма ощутительно между многими голосами обыкновенныхъ пѣвцовъ. Иногда у него голосъ бываетъ густой, ровный, пріятный, — и тогда пѣніе точно пріятно: но нерѣдко голосъ у запѣвалы рѣзкій, дребезжащій, а иногда совсѣмъ разбитый, то прорывается и покрываетъ голоса всѣхъ, то намѣренно задрожитъ, мгновенно переходитъ отъ баса къ высокимъ нотамъ тенора и вообще употребляетъ такія варіаціи, что трудно повѣрить, чтобы это пѣлъ одинъ человекъ. Прихожане обыкновенно любятъ такое пѣніе и уважаютъ запѣвалъ. Не рѣдко можно слышать споры людей двухъ приходоѡ, обладающихъ этими артистами, что «нашъ заткнетъ вашего за поясъ.»

Такое церковное пѣніе грустно дѣйствуетъ на душу... и оно не можетъ удовлетворять религіозной потребности прихожанъ. Почему-же въ нашемъ народѣ по преимуществу пѣвучемъ, нѣтъ стремленія къ улучшенію церковнаго пѣнія?—Недостатокъ грамотности есть главныя причина вѣковаго застоя цер. пѣнія; грамотность помогаетъ народу во

всѣхъ его нуждахъ и житейскихъ обстановкахъ, она же можетъ подвинуть и церковное пѣніе. Но къ сожалѣнію, должно сознаться, что въ прежнее время не принималось для распространенія грамотности въ народъ никакихъ мѣръ. Вся дѣятельность на этомъ поприщѣ сама собою выпала на долю сельскихъ дьячковъ. Положеніе ихъ въ обществѣ сельскихъ обывателей, какъ единственныхъ грамотѣевъ—много способствовало тому, что они по необходимости брались за дѣло народнаго обученія. У нихъ были единственныя школы и они были исключительными преподавателями грамотности и проводниками церковнаго пѣнія. Но недостаточное скудное образованіе самыхъ дьячковъ, не простиравшееся иногда далѣе знанія церковной печати и церковнаго устава, не могло доставить селамъ и мѣстечкамъ слишкомъ грамотныхъ учителей и не могло подвинуть образованія впередъ. Всякій изъяслявшій охоту учиться бросался въ Семинарію, а иногда выучившійся порядочно писать у сельскаго дьячка навсегда оставлялъ ту среду, гдѣ онъ получилъ первые уроки и шелъ своей дорогой. А наставникъ продолжалъ по прежнему тянуть образованіе въ приходѣ и такимъ образомъ оно было у насъ издавна. Вся услуга, оказанная этими учителями потомству состоитъ въ томъ, что отъ нихъ и дониндѣ тянутся люди сильные въ чтеніи церковной печати и въ знаніи церковнаго устава; они же приготовили для насъ и извѣстныхъ церковныхъ запѣвалъ.

Теперь когда вопросъ о народномъ образованіи сдѣлался у насъ вопросомъ насущнымъ, когда грамотность во всѣхъ отношеніяхъ стала сознательною нуждой, когда всѣ признали, что только одно духовенство можетъ принести народу истинную пользу и когда наконецъ, самый народъ идетъ къ намъ, — неужели мы столкнемъ его съ этаго естественнаго пути?

Нѣтъ, мы сознаемъ и болѣе всѣхъ должны сознавать необходимость грамотности; ибо она болѣе всего поможетъ намъ въ исполненіи того важнаго долга, для служенія которому мы призваны и произнесли св. обѣты. Современное—сельское духовенство должно принять близко къ сердцу это стремленіе вѣка и взвѣсить имѣющее произойти отъ него добро. Грамотностію необходимо пресѣкнутся тѣ нравственные недуги, которыми страдаетъ народъ; разсыются предрасудки, препятствующіе духовенству вести народъ къ той высокой цѣли, которая лежитъ въ основаніи христіанской Вѣры. Какая выгода для священниковъ святъ Слово Божіе на подготовленной, очищенной отъ предрасудковъ и суевѣрій—почвѣ! Какихъ богатыхъ плодовъ она не предоставитъ ему! Тогда и церковное пѣніе приметъ болѣе благолѣпный характеръ, и народъ будетъ согласно славить Творца въ храмахъ Божіихъ и благодарить Его за возрожденіе того божественнаго дара, который спалъ мертвымъ сномъ въ глубинѣ его природы.

Для самыхъ причтовъ откроется новый способъ, который матеріально вознаградитъ ихъ и будетъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ на будущее время. Нужно только на жителей приходоу расположить сообразно состоянію каждаго извѣстную (какая признается нужною) плату и сдѣлать ее обязательною. Можетъ статься, что иной прихожанинъ и не согласится отдать дитя въ школу изъ любви къ наукѣ,—въ такомъ случаѣ на первый разъ онъ отдастъ ради взноса денегъ, а потомъ уже не станетъ отставать отъ «громады» и доброе дѣло пойдетъ своей чредой.

Само собою разумѣется, сельскія причты не должны забывать церковнаго пѣнія. Оно должно быть преподаваемо какъ для церковнаго благолѣпія, такъ и для того, что оно

въ нѣкоторой степени можетъ служить побужденіемъ къ ученію. Намъ удалось испытать это средство и оно оказалось дѣйствительнымъ. Воскресная школа въ г. Миргородѣ состояла изъ мальчиковъ бѣднаго состоянія, которыхъ отцы не могли ежедневно отпускать ихъ учиться. Дѣти, которые уже знали читать, были приглашены для испытанія: могутъ ли они пѣть? оказалось нѣсколько весьма способныхъ. Приступили обучать ихъ пѣнію и они сами просились у родителей и приходили на спѣвки каждый день; такъ что послѣ пѣнія ихъ учили чтенію, ариметикѣ, исторіи и друг. предм. Слѣд. это средство можно употребить въ дѣло и теперь. Народъ нашъ понятливъ и пѣвучъ отъ природы; нужно только взяться съ усердіемъ за дѣло и онъ пойметъ свое назначеніе, пойдетъ быстро по пути образованія и хоть дѣти наши, а можетъ быть и мы увидимъ плоды трудовъ своихъ и это будетъ лучшая для насъ награда.

Діаконъ Даниилъ Гришковъ.

ПАСТЫРСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ

НОВО-НАБРАННЫМЪ КАЗАКАМЪ, СКАЗАННОЕ ПРЕДЪ ОТПРАВЛЕНІЕМЪ ИХЪ КЪ СБОРНОМУ ПУНКТУ—ПОСЛѢ МОЛЕБСТВІЯ ПРИ ОКРОПЛЕНІИ ИХЪ Св. ВОДОЮ *.

Братіе, Христіане!

Вѣра, Отечество и Царь призываютъ насъ къ защитѣ отъ польскихъ мятежниковъ, которые, будучи подданными па-

* Молебствіе было совершено на площадкѣ—предъ Волостнымъ Правленіемъ, гдѣ, кромѣ отцевъ, матерей и родственницъ ново-набранныхъ, было много и другихъ лицъ разнаго званія и пола.

шего Государя, не хотят повиноваться Его священной власти. По долгу вѣрно подданныхъ, по чувству любви къ отечеству и самосохраненія и по обязанности священной присяги—служить и повиноваться Государю, не щадя своей жизни—мы всѣ должны повиноваться сему свящ. зову; но пока--Вы, Честное Общество, избрали для вооруженной защиты нашего отечества только сихъ—не многихъ.

Ново-избранные воины! Съ сего времени вы призываетесь обществомъ, по волю Божию, къ новой жизни, обязанности которой далеко отличны отъ недавней вашей жизни—когда вы, обрабатывая свои поля, о нихъ только и хлопотали—чтобы доставить себѣ и своимъ домашнимъ необходимое продовольствіе. Теперь—съ орудіемъ въ рукахъ и съ любовью къ Вѣрѣ, Отечеству и Царю въ сердцахъ, вы должны стать на защиту свободы, чести и имущества и своихъ собственныхъ, и своихъ родныхъ, и своего общества и всего Государства. Великое и святое дѣло! Высокія и священные обязанности! Принимая ихъ на себя, вы не ропщите на общество за его выборъ, павшій на васъ, но дорожите имъ, какъ священнымъ, ибо съ нимъ оно поручаетъ вамъ святое дѣло и возлагаетъ на васъ священные обязанности. Признайте въ семъ случаѣ выборъ общества за опредѣленіе Божіе и охотно—съ любовью возьмитесь за дѣло, къ которому вы призваны!

Вы оставляете здѣсь отцевъ и матерей, а другіе—женъ и дѣтей? Не грустите объ этомъ! Вы оставляете ихъ дома—въ семьѣ родной—на попеченіи и продовольствіи остальныхъ вашихъ родныхъ; собственную же свою грусть о разлукѣ съ ними разгоняйте вѣрою въ Божіе Промышленіе, равно заботящееся о благосостояніи каждаго изъ насъ, имѣя при семъ въ виду, что послѣ—когда Господь приведетъ васъ

возвратиться домой—оставляемые теперь вами родные ваши будут любить васъ гораздо больше, чѣмъ—досель: такъ какъ вы теперь собственнымъ самопожертвованіемъ свидетельствуете свою высокую любовь къ нимъ. Между тѣмъ, Господь, промышляющій не только о людяхъ, но и о другихъ тваряхъ—посылающій пищу полевой птицѣ, великопльно одъбающій цвѣты и травы и питающій вдовъ и сиротъ,—не оставитъ и вашихъ семействъ Своимъ благоволеніемъ и Своими милостями, а Государь и общество своими попеченіями о нихъ.

Но вы прежде всего повинуйтесь Начальникамъ и учителямъ своего новаго званія, ибо отъ сего будетъ зависѣть вашъ успѣхъ, какъ въ знаніи военной службы, такъ и въ воинскихъ подвигахъ вашихъ.

Не страшитесь мысли умереть отъ руки врага въ борьбѣ съ нимъ, ибо такая мысль поселитъ въ васъ уныніе и робость не приличныя воину, тѣмъ болѣе недостойныя васъ—козаковъ. Предки наши—старые Запорожцы—не робѣли предъ врагами, но храбро побъждали ихъ! Вѣруйте, что если безъ воли Отца Небеснаго не погибаетъ даромъ ни волосъ на головѣ нашей, тѣмъ болѣе безъ воли Его не падетъ никто изъ васъ на войнѣ—отъ врага.

Будьте храбры! Храбрыхъ ждетъ награда Царя и благодарность отечества. Если же Господь и предопредѣлилъ пасть кому изъ васъ отъ руки врага, или умереть другою какою смертію изъ за блага Отечества и преданности Вѣрѣ и Государю; то не постыдна такая смерть, ибо умершихъ ею ждетъ на землѣ признательность Отечества и молитвы св. Церкви о упокоеніи ихъ въ Небесномъ Царствіи, а на небѣ—славный вѣнецъ мученическій.

Не будьте жадны на собственность враговъ или корысто-

любивы, ибо эти страсти повлекутъ васъ къ неистовству и безчеловѣчю, но довольствуйтесь содержаніемъ, какое опредѣлено для васъ Государемъ — *никого же обидите, по ученію Слова Божія, и довольны будьте оброки вашими* (Лук. III, 13).

Мужественно защищая права и интересы своего Отечества, въ тоже время, шадите сколько долгъ повелѣваетъ, ихъ ниущества, женъ, дѣтей немощныхъ и безоружныхъ — это достойно храбрыхъ и благоразумныхъ христіанскихъ воиновъ, которымъ Господь Иисусъ Христосъ заповѣдалъ миръ и любовь.

Нигдѣ и никогда не предавайтесь пьянству и сластолюбію, ибо эти пороки разслабятъ тѣлесныя и душевныя ваши силы, столь нужныя вамъ въ защитѣ себя отъ враговъ — побѣдъ и одолѣній ихъ. А при сознаніи своихъ силъ не слишкомъ полагайтесь на нихъ; — но болѣе уповайте на помощь и силу Божію; объ нихъ чаще всего молитесь Богу, и когда Онъ пошлетъ ихъ вамъ, то никто — противъ васъ! Сей Св. Крестъ и сія Св. вода да низведутъ Божіе благословеніе на васъ и предстоящіе Вамъ военныя подвиги ваши. *Аминь.*

Село Никоновка 21 Іюля 1863 года *Свщ. Пр. Субботинъ.*

* Ручевоцтво для сельскихъ Пастырей 1863 г. № 27.
** См. Рук. для епарх. Пастырей 1861 г. № 37-й статья «О сель-
скихъ Пастыряхъ».

ПРИХОДСКІЯ БИБЛІОТЕКИ ПРИ СЕЛЬСКИХЪ ЦЕРКВАХЪ.*

Еще въ 1861 году въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» высказана была мысль о необходимости завести при сельскихъ церквахъ бібліотеки и сдѣлать ихъ доступными для простаго народа. ** Въ настоящее время въ нѣсколькихъ уѣздахъ владимірской губерніи сельскіе прихожане заявили желаніе устроить при своихъ церквахъ бібліотеки, на что пожертвовали одновременно деньги и обѣщались дѣлать сборы и на будущее время. Въ нѣкоторыхъ селахъ священники и причтъ первые подали примѣръ своимъ прихожанамъ, пожертвовавъ на покупку книгъ небольшія суммы. Въ суздальскомъ уѣздѣ прихожане села Рожнова изъявили согласіе ежегодно жертвовать по 5 к. съ души, а въ двухъ селахъ: Воскресенскомъ — юрьевского уѣзда и Желѣзномъ владимірскаго уѣзда, прихожане положили дѣлать сборъ зерновымъ хлѣбомъ каждую осень и на вырученныя деньги пріобрѣтать книги для своихъ бібліотекъ. Имѣемъ основаніе думать, что въ приходскихъ бібліотекахъ, составляемыхъ подъ руководствомъ священниковъ, предложены будутъ народу книги необходимыя и полезныя для него; но тѣмъ не менѣе хотѣлось бы знать, какія именно книги съ большею охотою берутся для чтенія и какія, поэтому, по признанію самаго народа, пригодны для него. Полагаемъ также, что при выдачѣ книгъ для чтенія изъ церковныхъ бібліотекъ, не будетъ затрудненій; но если бы опытъ указалъ ихъ, то желательно знать, какъ онѣ устраняются. Желательно еще знать, на комъ лежитъ отчетность по бібліотекѣ, — на одномъ ли священникѣ съ

* Руководство для сельскихъ Пастырей 1863 г. № 27.

** См. Рук. для сельск. Пастырей 1861 г. № 37-я статья «О сельскихъ Церковныхъ Библіотекахъ».

причтомъ, или, какъ и слѣдуетъ ожидать, въ этомъ дѣлѣ принимаютъ участіе и прихожане? Приглашаемъ священниковъ, которымъ посчастливилось положить у себя основаніе церковныхъ библиотекъ, заявить намъ подробнѣйшія свѣдѣнія объ устройствѣ и успѣхъ своихъ библиотекъ. Эти свѣдѣнія могли бы послужить руководствомъ для другихъ священниковъ, при составленіи церковныхъ библиотекъ, — по крайней мѣрѣ могли бы указать хоть первые приемы этого дѣла, довольно многосложнаго и требующаго дѣятельности, непривычной еще для многихъ изъ сельскихъ пастырей. Отъ правильнаго веденія дѣла по библиотекамъ много будетъ зависеть ихъ успѣхъ. Съ своей стороны для этого считаемъ пригодными на первый разъ слѣдующія мѣры:

1) Надобно имѣть приходорасходную книгу, въ которой бы въ приходѣ записывались пожертвованія прихожанъ на библиотеку, а въ расходѣ — покупка и переплетъ книгъ, постройка шкафовъ и пр.

2) Приобрѣтаемая въ библиотеку книги должны быть вписываемы подъ номерами въ особенный каталогъ, который послѣ, съ умноженіемъ книгъ, можетъ быть приведенъ въ порядокъ.

3) Нужно составить алфавитный списокъ прихожанъ, желающихъ брать книги для чтенія, и вписать имена ихъ въ книгу, отдѣляя для каждаго лица особый листъ; такимъ образомъ удобно будетъ и найти имя берушаго книгу и записать ее подъ его именемъ.

4) Хорошо бы не стѣснять прихожанъ назначеніемъ опредѣленнаго времени для полученія книгъ изъ библиотеки, — по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Въ послѣдствіи можно будетъ опредѣлить для этого особенное время, напримеръ вечеръ субботы. Для возвращенія книгъ въ библиотеку нельзя полагать короткаго срока.

5) Для гарантіи бібліотеки надобно желать, чтобы она была въ вѣдомѣ священника и церковнаго старосты или другаго какого либо лица изъ прихожанъ. По крайней мѣрѣ необходима ежегодная повѣрка бібліотеки лицами довѣренными отъ прихожанъ. За тѣмъ позволительно желать, чтобы бібліотека, какъ собственность прихожанъ, не подлежала болѣе ни какой другой отчетности начальству и не вошла какъ-нибудь въ составъ неприкосновенныхъ церковныхъ имуществъ.

6) Весьма бы удобно, если бы для бібліотеки нашлось особенное мѣсто, когда она приметъ достаточные размѣры. Выгода отъ этого та, что въ случаѣ перемѣны священника не было бы затрудненія въ приѣмъ отъ него бібліотеки церковнымъ старостою или же другимъ священникомъ.

Наконецъ 7) касательно книгъ, могущихъ быть затерянными, прилично войти въ соглашеніе съ прихожанами на счетъ уплаты за нихъ. Само собою разумѣется, что за книги, пропавшія во время какого либо несчастнаго случая, напримѣръ, пожара, воровства, не должно быть взыскація.

Такъ или иначе будетъ поведено дѣло, — во всякомъ случаѣ желаемъ ему полного успѣха: Дай Богъ, чтобы доброе начало составленія приходскихъ бібліотекъ въ владимірской епархіи послужило примѣромъ для всѣхъ сельскихъ обществъ нашего отечества.

Содержаніе. I. Тайна творенія. II. По поводу «Поученій на малороссійскомъ языкѣ, Свящ. Іоанна Бабченка.» III. О добровольномъ оставленіи священно-служителями ихъ сана. IV. Нѣсколько словъ о церковномъ пѣніи, въ связи съ дѣломъ народнаго образованія. V. Пастырское наставленіе ново-набраннымъ козакамъ. VI. Приходскіе бібліотеки при сельскихъ церквахъ.

Редакторъ, Прот. Н. Дулитрашко.
Печатать дозволяется 1863 г. Сентября 30 дня. Цензоръ, Прот. Катрановъ.
Полтава. Въ типогр. Н. Пигуренко.